

«Сию в отеле, кругом долж и мне грозят...»

Лидер «культурпросвета» украл у нас первый свободный вечер, осясатив пригласением в ресторан. На так называемые двусторонние переговоры были доставлены чуть ли не полсостава участников семинара.

С точно такой же рьяностью, с какой лидер терзал макароны, он накинулся на моего соседа по столу — из страны, которую я как славянин продолжаю считать братской. Он словно на вилку со-

кую еще, может быть, и печальную нашу уединенность в европейской семье народов; на долгие еще в будущем ошибки европейцев в суждениях о России; на их видимую склонность судить нас всегда к худшему...»

Ну что еще? Давай, «культурпросвет»! Ах, вот еще и коммунистический режим мы как-то допустили... Да неизвестно еще, возвратил я, какой бы режим был у вас сегодня, если бы наши солдаты не были в Берлине в 45-м.

У него был на это очень простой ответ. Нацистское

ста, что-то прозреть. Мы занимали его лишь настольно, насколько с нашей помощью под его начинания можно было бы выбить деньги из казны или откуда-нибудь еще и при этом — главное — сорвать политические дивиденды.

Вы думали, только у нас можно спекулировать на гуманитарной помощи? Я видел это в Висбадене — в довольно крупных масштабах. Я ни на минуту не ставлю под сомнение искренность тысяч и тысяч немцев, которые поддер-

Секретарша директора отеля оказалась особой неулыбчивой. Дело, мол, требует времени. Чтобы найти счет, надо поднять бумаги...

— А пока возьмите этот альбом, — сказала фрау Геккелер. — В нем вы найдете интересующую вас информацию. Это подарок.

Роскошное многостраничное, многокрасочное издание рассказывало всю историю отеля «Нассауэр хоф» со времени основания до наших дней. Я раскрыл альбом там, где начиналась глава: «Не-

Теперь поясню, где смеяться. Описанный хозяин-жмот действительно досаждал Достоевскому. Именно указанным образом. Но только эта история, документально зафиксированная в письмах писателя из Висбадена, происходила не в 1871-м, а в 1865 году. Достоевский, кстати, слава богу тогда отчаянные письма с просьбой помочь деньгами И. С. Тургеневу, А. П. Сусловой, А. Е. Врангелю (и получавший помощь), не раз поминал недобрым словом своего хозяйчика.

Мы вам дадим другую. Так говорите, что в отеле «Виктория» он жил не в 1871-м, а в 1865 году? Одну минуточку, мне надо переговорить с господином Нюсером. Скажите, пожалуйста, где вас разыскать?

В первый раз к моей особе в отеле «Нассауэр хоф» проявили такое внимание. Уже через полчаса фрау Геккелер зашептала: «Все просились. Господин Нюсер, сказал, что счет попал к нам, потому что отель «Виктория» и отель «Нассауэр хоф» принадлежали одному владельцу...»

«Это исключено», — сказали мне в городском архиве, куда я срочно отправился после разговора. И в подтверждение показали документы.

Я позвонил в отель «Нассауэр хоф» в последний раз:

— Фрау Геккелер, у меня в руках любопытные архивные данные... Вам, видимо, придется расстаться с неоплаченным счетом Достоевского! Я рассматриваю это как конец одной легенды.

— Да, это конец одной легенды. Мы больше не будем вспоминать эту историю...

Ну вот и все, Конец комедии. Я рад, что Достоевский в «Нассауэр хоф» больше не живет.

Хотелось вымыть руки... Вымыл. Повязал галстук и надел пиджак — предметы мужского туалета, которые сегодня если где и ценятся по-настоящему, так в казино. Пошел играть в рулетку. Познакомился с интересными людьми. Часами говорил со старшим зала, с директором по маркетингу. С удивлением открыл для себя, что хоть здесь никого не надувают. Здесь просто играют. Весь персонал живет исключительно за счет чаевых — строго определенной 1/30 доли от выигрышей посетителей, которую они считают правилом хорошего тона отдать крупье. Собственно доход казино, за которым внимательно следит присутствующий в зале фининспектор, на 90 процентов идет в налог, стало быть, в казино — и исключительно на социальные программы, на строительство детских садов, на помощь инвалидам. Остальные 10 процентов — на поддержание в надлежащем виде исторического помещения, напоминающего и о Достоевском.

«Рулетка — это игра по преимуществу русская», — утверждает в романе Достоевского. Рулетка — это игра самая честная, утверждает немецкий фонд защиты интересов потребителей «Варентест». Шансов выиграть — больше, чем в любой другой азартной игре. Не говоря уже об азартных играх в лотерею с государством. Я люблю честные игры. Я немного устал от Висбадена, но я влюбился в Рулетенбург. Я понял, что город 400 миллионов никогда не станет мне ближе города, созданного воображением одного бедствующего гения.

С. МАСЛОВ.
(Наш спец. корр.)
Висбаден — Москва.

Как я отыграл долг Ф. М. Достоевского

Кем. права. — 1992 — 2 окт.

РАССЛЕДОВАНИЕ «КП»

живают нас в эти трудные дни. Потому что знаю их. Но в данном случае... На нас просто поставили. Причем расчетливо. Так поступает игрок, высматривая предвзительно, на что сейчас особенно клюет удача — на красное или черное... Сейчас пока еще есть вероятность умножить политический капитал, поставив на бывшее красное.

◇

Когда я, мкновая гостиничные двери, попал в их зазеркалье, отель «Нассауэр хоф», где, как уже упоминалось, числился должок за Достоевским, предо мной возникла таинственная улыбка — загадочная, как у Чеширского кота из сказки Керролла. О, это было высшее искусство улыбки, не имевшее ничего общего со служебной доброжелательностью, вышколенной на которые я насмотрелся в других отелях Германии. Это была почти культовая улыбка служителя храма странствующих богочеловеков, каким и является, собственно, отель «Нассауэр хоф». Пять заветных звездочек украшают флаг отеля. Коллектив полный кавалер этого почетного знака героев капиталистического труда на гостиничном поприще. Отель окружен особым ореолом. Он весь сияет отраженным светом целого звездного скопления посетивших его знаменитостей. В его истории, пожалуй, единственный инопланетянин, человек с земными страстями и слабостями — Федор Достоевский. Он явно не вписывается в галерею почетных гостей отеля всех времен: королей бизнеса и королей экрана, просто королей по рождению, и королей по прозвищу — как кайзер Франц (футболист, а теперь тренер Франц Беккенбауэр). На всех прочих авторы рекламных проспектов стараются обратить внимание. На Достоевского же как бы показывают пальцем,

седа поддевал. По форме разговор был беглым обстрелом вопросами. По интонациям — допрос с пристрастием.

«Я просто растерялся», — признался мне коллега потом. А в ту минуту во мне произошло — с чего бы это? — нечто вроде былой солидарности. Я позволил себе бестактность прервать лидера:

— Откуда такая агрессивность?

Его жующие челюсти явно обились с ритма.

— Это не агрессивность. Я просто привык с самого начала утверждать себя.

И началось... Я узнал много интересного. Оказывается, у нас сегодня ничего не получается в экономике, потому что везде контроль. Надо же — даже посреди сегодняшнего хаоса и неразберихи? Оказывается, контроль это не только наша беда, но и вина — мы, я узнал, просто сами воспитали в себе потребность в контроле еще со времен Ивана Грозного. Менталитет у нас, видите ли, такой.

Я ответил ему по-своему. А мог бы — по Достоевскому. Если б знал наузусть.

Ну хотя бы, к примеру, вот это:

«Даже нарочно изучавшие нас европейцы, для каких-нибудь целей (а танковые были), и положившие на это большой труд, несомненно уезжали от нас, хотя и много изучив, но все-таки до конца не понимая иных фантомов и даже, можно сказать, долго еще не будут понимать, в современных и ближайших поколениях по крайней мере. Все это намекает на дол-

государство очень скоро рухнуло бы само. Мол, в 1942 году уже дела были плохи.

Вот оно как выходит. Взя, стало быть, мы за Сталинград билась. Погодить нужно было. Впрочем, и конеккеровское руководство в последние годы своего пребывания у власти настолько приподняло роль антифашистского сопротивления в «третьем рейхе» — довольно малочисленного, — что уже ходили анекдоты, будто Германия чуть ли не сама себя освободила...

Мы коснулись развала «империи». Я не совсем согласился со стопроцентной точностью этого определения сути бывшего Союза. У каждого была своя точка зрения. Я вдруг подумал о том, что не припоминаю, чтобы русские за всю свою историю ассимилировали хотя бы один народ. С немцами это случалось. «Благодаря» им исчезли когда-то балтийские племена пруссов. А он вдруг заявил, что есть слабые и сильные культуры. И если слабые исчезают, то это естественный процесс...

Господи, да с кем я говорил? С социал-демократом, симпатизирующим ХДС (кто он отрекмендовался)? Кто вообще должен решать, какие культуры — слабые? Какие должны исчезнуть? И каким это именно «естественным» путем?

Холодом веяло от этого человека. И какого дьявола он вдруг взялся помогать нам, сегодняшним слабым? Я вдруг

За два дня до отъезда в Висбаден узнаю: там, в фешенебельном отеле, хранится счет, выставленный некогда Достоевскому за проживание, но так и не оплаченный постояльцем. Во всей отечественной литературе, разобранной жизни и творчество Достоевского не только по строчкам, но буквально по дням, а порой и часам, таких грехов за классиком вроде бы не числится. Специалисты разводили руками. Причем именно те, которые показали мне короткую заметку из «АиФ», в которой сообщалось, что министр по делам семьи и престарелых ФРГ Ханнелоре Ренш попыталась было из собственных средств оплатить долг великого романиста пятизвездочному отелю «Нассауэр хоф» в Висбадене, но хозяйин гостиницы ни за что не пожелал расстаться с реликвией.

И вот я в Висбадене, на европейский водах! Настроение — почти по Достоевскому. «Сию в отеле, кругом долж и мне грозят...» — писал в 1865 году из Висбадена человек, в голове которого именно тогда рождались «Преступление и наказание». Писал из города, который в самом скором времени он прославил как «Рулетенбург» — в произведении, созданном в кратчайшие сроки, в те самые знаменитые «двадцать шесть дней из жизни Достоевского» — в романе «Игрок».

В отеле «Фюрстенхоф» происходило оказание мне и гражданам других освободившихся от коммуниста государств братской гуманитарной помощи Запада. Сказать, что все это было довольно безвкусно — значит, ничего не сказать. Не тушенку, в конце концов, раздавали. Помощь была гуманитарной именно в прямом, а не в ставшем для нас привычным в последнее время гастрономическом смысле. В виде «семинара по повышению квалификации людей, призванных принимать решения (так прямо и переводится. — С. М.), из стран бывшего восточного блока». Снисходительно и лгтивно одновременно.

Программа, с которой я познакомился лишь в Висбадене, устроила меня ровно настолько, насколько была интересной, — наполовину. Но она — нам недвусмысленно дали понять — была обязательной. На занятия нас только разве что строем не водили.

В общем, плакал, кажется, мой Достоевский... Угнетало

положение человека, за которого заплатили — за стол, за ночлег. Хозяйка — скажем так: представители местного «культурпросвета» — дистанцию держали, как соблюдают ее не очень-то щепетильные люди по отношению к тем, кого считают чуть ли не купленными.

Так дешево? Вообще такие паршивые номера я видел у нас только в райцентрах. С коллегой-словачком мы делим не только комнату, но и... кровать. Пусть и достаточно широкую, но все-таки... супружескую. То же и с другими участниками семинара.

«...Всякий немец, прибывший русским, несомненно считает в лице своем оскорбленную и всю свою нацию. Русский, прибывший немцем, ничего не подумает о своей нации, но зато утешится, что все-таки получил плюху от цивилизованного человека».

Таноза благородная страсть и цивилизации».

Это — Достоевский. Из записных тетрадей 1872—1875 гг.

Я не могу понять и принять «цивилизованный мир», которому бы доставляло удовольствие видеть нас пресмыкающимися — на бытовом ли, на высоком уровне. С нами позволяют себя вести, как победители с побежденными.

Не далее как в прошлом году мне довелось стать свидетелем мероприятия куда более солидного, чем недавнее висбаденское. В Берлине проходила международная конференция «Роль Германии в Европе», где главным докладчиком выступил Гельмут Коль. Уже тогда некоторые именитые западные немцы, как бы полемизируя с молчаливыми оппонентами в зале, доказывали с трибуны, что Советский Союз продолжает оставаться великой державой. Конечно же, выявление степени величия державы было не самоцелью. Речь шла о том, считаться ли с нами или уже необязательно. Относятся ли к нам так или эдак.

«Меня вдруг поразила на днях мысль, что Россия вовсе не великая держава... Не знаю, кто-то еще год тому назад писал, что на свете теперь всего только две великие державы: Россия и Америка. Я по крайней мере не сомневался в сердце моем в величии России. И вдруг...»

Многоточие — Достоевского. Написано в 1873 году. Слава Богу, что в 1873-м. Слава Богу, что многоточие. А ведь как хотелось бы кому-то поставить точку! Еще тогда.